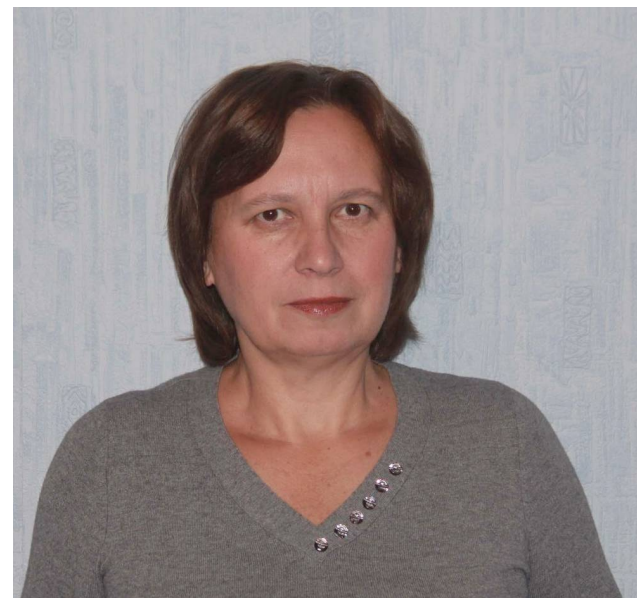

Миры языка — миры текста

*Worlds of Language – Worlds of Text /
die Welten der Sprache – die Welten des Textes*

УДК [1(091):81]Ломоносов

Авдеева Л.Р.

М.В. Ломоносов. Пространство языка

Авдеева Людмила Ростиславовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры истории русской философии Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: alzlot@yandex.ru

Статья посвящена анализу воззрений М.В. Ломоносова, выдающегося русского ученого, мыслителя, одного из создателей современного русского языка. Функции и роль языка Ломоносов рассматривает в рамках многомерного пространства — географического, национального, исторического, социального. Язык не только зависит от этих факторов, но и влияет на эти пространства, организуя и детерминируя их. Рассматривая язык как средство коммуникации, Ломоносов стремится добиться максимально эффективного воздействия на слушателя и читателя. Он предлагает различные средства для усиления этого воздействия, фактически закладывая основы психологии восприятия речи и текста.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, язык, риторика, слово, «Русская грамматика».

Размышляя о роли и функциях языка, Ломоносов погружает его в многомерное пространство — географическое, национальное, историческое, социальное и, наконец, субъективно-психологическое. Язык обнаруживает свою деятельную суть и, будучи детерминирован, сам также организует и детерминирует эти пространства. В первую очередь Ломоносова интересует, конечно, русский язык как язык национальной идентичности и истории, и он, можно сказать без особого преувеличения, в значительной мере заново создает его. Но он подчеркивает, что любой язык и основанная на нем культура преодолевают национальные, религиозные, политические границы, приобретают силу, превосходящую земные преграды. Рассуждая о Франции, он пишет:

«Военную силу ее чувствуют больше соседние народы, употребление языка не токмо по всей Европе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам как единоплеменным для сообщения их по большей части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых речение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного» [*Ломоносов 1952.в, с. 581—582*].

Язык для Ломоносова — не столько эстетический феномен, сколько мощное средство воздействия на людей, позволяющее создавать мотивацию для деятельности. В его уме зреет целая теория влияния на личность, публику, аудиторию, читателя. Его занимает идея: как наиболее точно и эффективно передать свою мысль другому человеку. Логическая точность и доказательность не всегда играют в этом вопросе решающую роль. Здесь Ломоносов, будучи по складу ума перипатетиком¹, отступает от своих основополагающих установок и бросается изучать иную стихию, сферу эмоционально-

¹ Перипатетики (от др.-греч. περπατέω — прогуливаться, прохаживаться) — ученики и последователи Аристотеля, его философская школа (основана в 335—334 гг. до н.э.). Название возникло из-за привычки Аристотеля прогуливаться с учениками во время чтения лекций. (Прим. ред.).

психологическую, недоступную, казалось бы, систематизации и математизации. Ясно осознавая «небеспристрастность слов», он рассуждает следующим образом: детально разработанный план какого-то предприятия не обеспечит ему реализации, если те влиятельные люди, от которых все зависит, не проникнутся к нему живым интересом. Нужно владеть искусством подачи материала (к примеру, это план будущей работы Географического департамента или составления карт состояния экономики России) некоему должностному лицу, которое должно буквально вдохновиться этим проектом и воспринять его как собственное наитие.

АВДЕЕВА Л.Р. М.В. ЛОМОНОСОВ. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

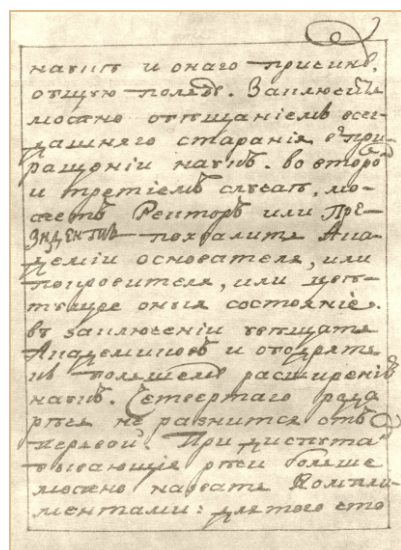
В работе «Краткое руководство к риторике» Ломоносов со свойственной ему скрупулезностью выстраивает систему аргументации, позволяющую связать корпускулярную теорию мироздания со сферой нравственности и психологии, перейдя от нее к практическим советам в области построения текста. Перед читателем возникает, будто запечатленная ученым-антропологом во всей своей полноте, структура личности, обладающей набором присущих ей характеристик и «жизненных свойств»; это:

«1. Главные душевные: понятие, память, мечтание, рассуждение, произволение. 2. Страсти: радость, печаль, удовольствие, раскаяние, величавость, стыд, надежда, боязнь, гнев, милосердие, любовь, ненависть, удивление, гнушательство, подражание, отчуждение, благодарность, зависть, мщение. 3. Добродетели: мудрость, благочестие, воздержание, чистота, тщивость, милость, великодушие, терпение, праводушие, просторечие, искренность, кротость, постоянство, трудолюбие, послушание, вежливость. 4. Пороки: нечестие, роскошь, нечистота, лютость, скупость, малодушие, нетерпеливость, лукавство, лицемерие, ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, самохвальство, грубость. 5. Приобретенные дарования: благородство, счастье, богатство, слава, власть, вольность и им противные. 6. Телесные дарования и свойства: возраст, пол, сила, красота, здравие, проворность. 7. Чувства: зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание» [Ломоносов 1952.б, с. 28–29].

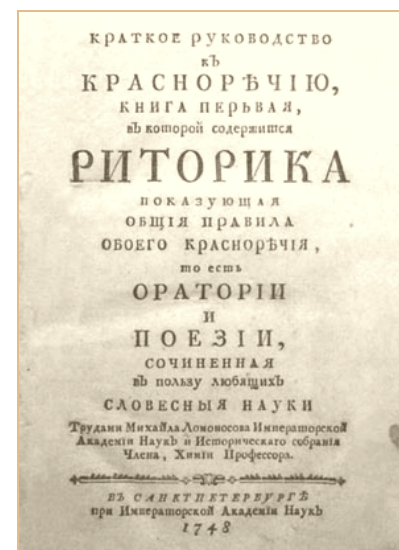
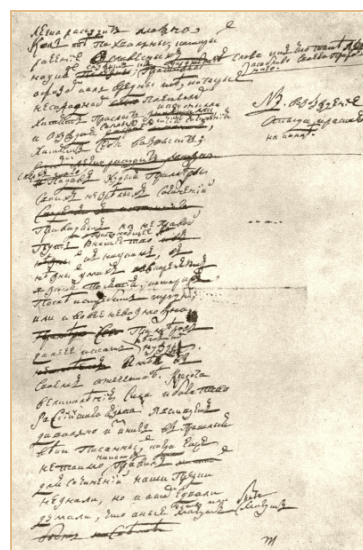
Опираясь на эту базу, Ломоносов формулирует правила, которые должны быть учтены при построении текста, автор которого желает добиться максимально эффективного воздействия на слушателей. Помимо того, чтобы «слово было ясно» и «тема была доказана», он должен «возбудить страсть» («любовь или ненависть, желание или отчуждение» [Ломоносов 1952.б, с. 26–27]). Для этого в тексте должны наличествовать «распространение», т.е. совокупность рассуждений, разъясняющих данную тему, «доказательство», утверждающее справедливость данной «вещи», и «витиеватые рассуждения», как «нечто нечаянное или ненатуральное, однако самой предложенной теме приличное, и тем самым важное и приятное» [Ломоносов 1952.б, с. 27].

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). Портрет работы неизвестного художника, копия с портрета Г.К. Преппера. Вторая половина XVIII в.

Страницы рукописи трудов М.В. Ломоносова «Краткое руководство к риторике» (слева) и «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (справа)

Титульный лист первого издания «Краткого руководства по красноречию...» М.В. Ломоносова (С.-Петербург, при Императорской Академии Наук, 1748)

В работе «Краткое руководство к красноречию» Ломоносов также предлагает набор средств, которые должны быть использованы автором, чтобы его слово не осталось «гласом вопиющего в пустыне». Главным фактором, подрывающим результативность любого сочинения, вносящим элемент неопределенности, становится анонимность читателя или слушателя, поскольку то, насколько будет воспринято то или иное послание, зависит от возраста, пола, степени образованности аудитории. Речь оратора должна быть ориентирована на конкретных людей и построена с учетом их особенностей. Таким образом, предполагается, что оратор является интеллектуально одаренным и изощренным в словесном искусстве мастером, и только это позволит ему донести смысл сказанного до каждого, кто ему внимает.

Большинство советов Ломоносова относится к построению адресного текста, читатель которого заранее известен и чаще всего является высокопоставленной особой. Это в первую очередь эпистолярный жанр, оды, приуроченные к различным торжественным датам, а также посвящение своих научных трудов «мудрым государыням» и Петру III, в эпоху правления которых он жил и творил.

Стоит привести здесь те советы, которые он дает, хотя они и могут несколько покорибить современного читателя, если он не даст себе труда перенестись в эпоху XVIII в. и представить себе свойственный ему салонно-этикетный стиль письма.

«Нравы человеческие коль различны... того и сказать невозможно», — пишет Ломоносов [Ломоносов 1952.а, с. 168].

Необходимо знать, как минимум, возраст, пол, степень воспитания и образования слушателей, чтобы представлять

АВДЕЕВА Л.Р. М.В. ЛОМОНОСОВ. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

себе их склонности, настроение и иметь возможность возбудить в них те страсти, которые ритор имел в виду.

«Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился» [Ломоносов 1952.а, с. 170].

В своей речи надо прибегнуть к образам:

«Случаи надлежит так живо в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели» [Ломоносов 1952.а, с. 170].

Если, например, ритор хочет возбудить любовь к героям, о которых рассказывает, к слушателям, к какой-то ситуации или даже к себе, то он должен иметь в виду следующее:

«1) Представить надлежит, что человек, о котором слово, весьма добродетелен <...> 2) объявить оного взаимную к ним любовь, ибо мы любящих нас обыкновенно любим, 3) склонность и любовь показывать подобие оного с ними, ибо подобные подобных и любят; 4) показывать подобие оного с ними, ибо подобные подобных и любят; 5) сказать, что он купно с ними радуется о счастии, печалится о несчастии; 6) что их за глаза хвалит; 7) что часто с ними бывал в одних случаях и обстоятельствах <...> 8) что их за глаза хвалит <...> 9) что удивляется знатным их делам <...> 10) что открывает им свои тайны и поступает нескрывает <...> 11) что их почитает» [Ломоносов 1952.а, с. 177].

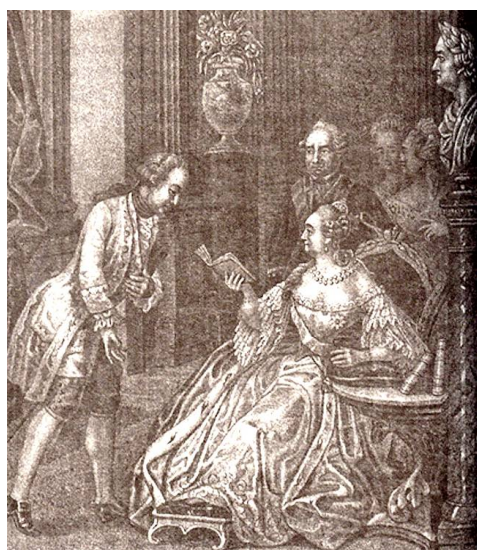
Ломоносов полагает, что одними логическими доказательствами, действующими на разум читателя или слушателя, сколь бы они ни были совершенны, трудно достичь результата. Необходимо повлиять на чувства человека, а для этого сначала «изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих» [Ломоносов 1952.а, с. 167].

Практически Ломоносов предвосхищает идеи Л.Н. Толстого об искусстве как способе передачи собственных чувств другому человеку, и в этом смысле язык для него является подлинным искусством. Он передает мысль не просто в логической ее форме, а в форме художественно-образной, таким образом сама наука неотделима от искусства.

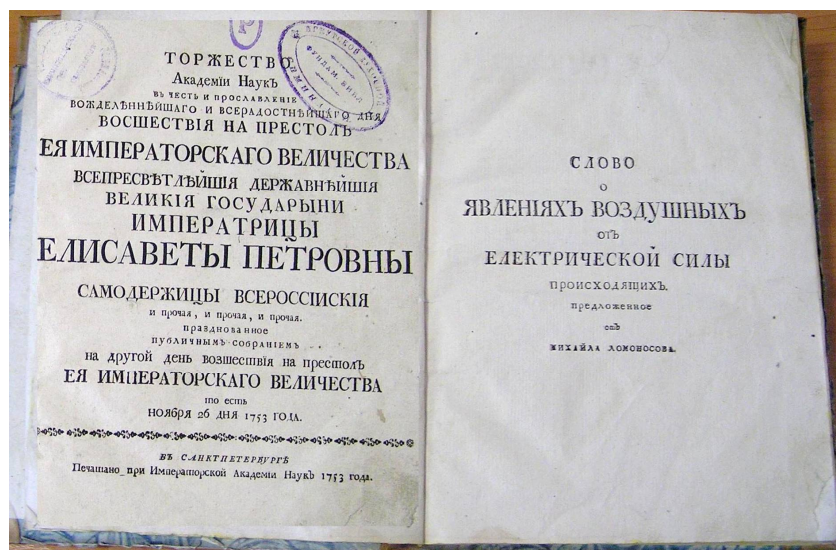
«Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые века писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или быть могут», — пишет автор «Грамматики» и «Риторики», занятый разработкой и классификацией самих этих правил [Ломоносов 1952.в, с. 582].

Создаваемые Ломоносовым системы эстетически гармоничны, а видимая им красота существует в единстве с картиной мира, интерпретируемой с помощью математики. «В безмерном углубя пространстве разум свой // Из мысли ходим в мысль», — пишет он в «Письме о пользе стекла» [Ломоносов 1959, с. 517], однако это высказывание вовсе не принадлежит строгому рационалисту.

Ломоносов ищет кратчайший путь практической реализации своей мысли, и он оказывается прямой, соединяющей без посредников автора и носителя высшей власти. Но движение по этому пространству немислимо без славословий и торжественных од, прославляющих государыню, без формально верноподданнического письма, возвышающего влиятельного царедворца, политического и не только политического фаворита.

Ломоносов представляет оду Елизавете Петровне. Гравюра Б.А. Чорикова. 1836

Посвящение императрице Елизавете Петровне первого издания «Слова о явлениях воздушных...» М.В. Ломоносова (С.-Петербург, при Императорской Академии Наук, 1753)

Императрица Елизавета Петровна Мозаика ломоносовской мастерской. 1758—1760

«Поднес я всемилостивейшей государыне нашей напечатанную и ей приписанную Металлургию и мозаичный ее ж величества портрет, что все принято с удовольствием, — сообщает Ломоносов графу М.И. Воронцову [Ломоносов 1952.г, с. 569].

АВДЕЕВА Л.Р. М.В. ЛОМОНОСОВ. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

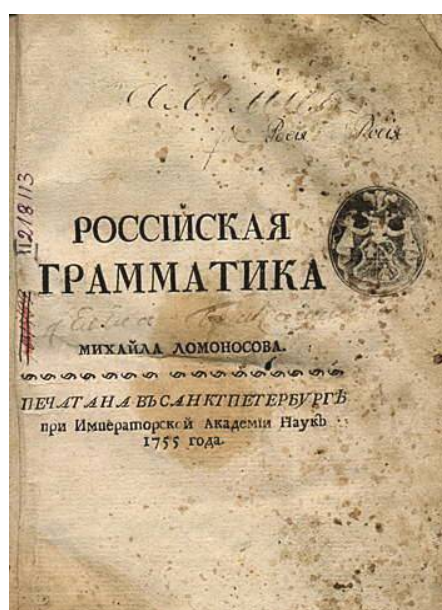
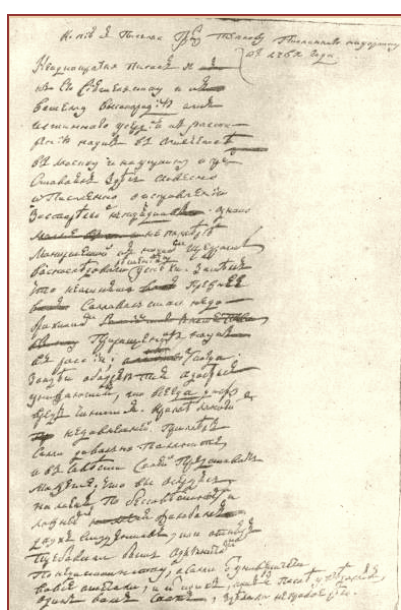
Отсюда же все эти формальные «прошу всеуниженно», «с древним высокопочитанием пребываю», «всепокорнейший и верный слуга», но пространство между словом и мыслью здесь слишком велико, чтобы можно было поверить в абсолютную искренность пишущего. Время Ломоносова — это век ученых-дипломатов, отстаивающих свои идеи с изощренностью и изяществом придворных поэтов. Но вот перед нами письмо Ломоносова И.И. Шувалову:

«...показал я Вам послушание; только Вас уверяю, что в последний раз» [Ломоносов 1952.е, с. 546].

«Я пишу ныне к Вам в последний раз, и только в той надежде, что иногда приметил в Вас и добрые о пользу российских наук мнения, — повторяет он в письме Г.Н. Теплову². — Еще уповаю, что Вы не будете больше ободрять

² Григорий Николаевич Теплов (1717—1779) — философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и государственный деятель, ближайший сподвижник Екатерины Великой, действительный член Академии наук и художеств, фактический руководитель Академии в 1746—1762 гг. Создатель устава Московского университета. (Прим. ред.).

недоброхотов российским ученым. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего иного не ищю, как только чтобы закоренелое несчастье Академии пресеклось. Буде ж еще так все останется мои праведные представления уничтожены от Вас будут, то я забуду вовсе, что Вы мне некоторые одолжения делали» [Ломоносов 1952.д, с. 553—554].

Слева — начальный лист собственноручного черновика письма М.В. Ломоносова Г.Н. Теплову от 30 января 1761 г.

Справа — титульная страница «Российской грамматики» Михаила Ломоносова (С.-Петербург, при Императорской Академии Наук, 1755).

Здесь о «витиеватых рассуждениях» нет и речи, — перед нами человек, не желающий раболепствовать и скрывать собственные чувства.

Язык, по мнению Ломоносова, рождается народом, а затем объемлет и держит этот народ в единстве, дает ему понимание своего родства, а потому является несомненно национальным сокровищем, имеющим свои особенности и отличия от других языков. Он национален и всеобщ одновременно, он развивается во времени, какие-то его формы устаревают, появляется новое, небывалое. Языковое творчество не должно быть и безграничным: у него есть свои стилевые, жанровые рамки, создаваемые временем, эпохой, принадлежностью тому или иному народу.

«... все народы в употреблении пера и изъявлении мыслей много между собою разнствуют, — отмечает Ломоносов. — И для того береги свойства собственного своего языка. То, что любим в стиле латинском, французском или немецком, смеху достойно иногда бывает в русском. Не вовсе себя порабожай, однако ж, употреблению, ежели в народе слово испорчено, но старайся оное исправить. Не будь притом и дерзостен сочинитель новых» [Ломоносов 1950, с. 524—525].

Ломоносов оставил удивительно тонкие замечания по поводу соответствия языка эпохе, в которую он существует. Рассуждая о литературе античности как филолог-профессионал, он пишет:

«Когда Сафо, когда Анакреонт в сластолюбиях утоплены, мысли свои писали незакрыто, когда Люкреций в натуре дерзновенен, когда Люциан в баснях бесстыден, Петроний соблазняет, оставь то веку их, к тому привычному, а сам угождай своему в нежности и в словах благопристойных» [Ломоносов 1950, с. 524].

Одной из небольших по объему, но значительных по содержанию работ Ломоносова, открывающей истинные масштабы его представлений о языке, является «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». Она важна не столько в силу того, что в ней сформулирована теория «трех штилей», сколько, казалось бы, неожиданной для него идеей о целесообразности сохранения церковнославянского языка как такового. Аргументы, приводимые Ломоносовым, свидетельствуют о глубочайшем понимании сути цивилизационного процесса в целом. Россия, по Ломоносову, является огромным

АВДЕЕВА Л.Р. М.В. ЛОМОНОСОВ. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

многоязычным и разноязыким государственным образованием, истоки которого простираются далеко за пределы его зафиксированной в летописях письменной истории. Церковнославянский язык к XVIII веку стал единым языком межнационального общения, благодаря которому народы, расселившиеся на огромных территориях, способны непосредственно понимать друг друга. Таким образом обеспечивается существование государства как особой целостности. Пространство языкового взаимопонимания обеспечивает тяготение народов к существованию в границах единого государства, являющегося не просто политическим объединением, но взаимосвязанной цивилизационной системой. Внутренние экономические, торговые, культурные отношения не просто облегчаются, но и скрепляются единством языка. Русский же язык известен не всем народам Российской империи и потому именно церковнославянский язык выполняет эту роль.

Второй аргумент Ломоносова звучит следующим образом. Церковнославянский язык дает возможность самостоятельного чтения и изучения древних рукописей и других письменных источников, то есть своей истории, и тем самым обеспечивается возможность осознания ее длительности и непрерывности. Ломоносов рисует грандиозную картину пространственно-временного культурного континуума, неразрывного в своем географическом измерении и исторически непрерывного, сохраняющего свою культуру, традиции, обычаи во многом благодаря единому языку.

Точно так же, как в письме к Л. Эйлеру, Ломоносов, исходя из результатов локального и довольно простого химического опыта, формулирует закон сохранения материи и распространяет его на всю Вселенную [Ломоносов 1952.ж], в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» он поднимает язык на метафизические высоты и оперирует категориями наивысшей сложности. Открывшаяся ему вечность и пространственная неизмеримость Вселенной дает ему тот масштаб, который он использует, размышляя о значении языков в жизни народов. Тот, кто углубляется в изучение русского языка, видит «безмерно широкое поле» или «едва пределы имеющее море», — пишет он в «Российской грамматике» в 1755 г. [Ломоносов 1952.з, с. 392], далее, в процессе своих исследований, постоянно руководствуясь этой мыслью. Те же принципы непрерывности и дискретности, синтез которых он осуществляет в своей атомистической концепции, лежат в основе его философских представлений о языке, и точно так же, как им подчеркивается взаимозависимость всех явлений и наук, так и язык для него неразрывен с географией, историей, психологией, политикой, антропологией и теми жизненными реалиями, которые дали им начало.

Ломоносов поистине сыграл роль «первотолчка» по отношению к новой философии языка с ее огромными потенциальными возможностями, получившими развитие только во второй половине XIX — начале XX вв. В этот период многие русские мыслители (Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкий, С.Н. Булгаков и др.) разрабатывали проблему общего языка как одного из условий, обеспечивающих единство национальной культуры. Для Данилевского культурно-исторический тип представляет собой единство происхождения народа, его ментальных особенностей, традиций, преданий, способов хозяйствования, а языковое единство, как духовная доминанта, является главным фактором, детерминирующим его развитие и процветание на протяжении длительного времени.

«Он опирается на идею языковой общности народов, относительно которых должен быть решен вопрос, быть или не быть им единым политическим образованием» [Авдеева 1992, с. 90].

В том случае, если народности, входящие в состав какого-либо государства, говорят на столь различных языках, что непосредственное взаимопонимание становится невозможным, то для них предпочтительны более свободные формы политического объединения, нежели для народов одной языковой группы. Ломоносов таким образом вопрос не ставит, делая акцент на целесообразности и необходимости сохранения государственно-исторического status quo, но логика его размышлений подготавливает и такой ход мысли.

Он затронул практически весь комплекс проблем, которыми занимается языкознание, ему, как мыслителю-поэту, открылась «бездна, звезд полна» и еще более удивительные тайны личностных миров, а нам сегодня благодаря ему открываются глубины «отечественного XVIII столетия, вершинные достижения которого отнюдь не сводятся к ученическому повторению европейского «Века Просвещения», но создают панорамную и объемную картину, где Ломоносову принадлежит ключевая и смыслообразующая роль, объединяющая новоевропейские и старорусские традиции» [Калитин 2011, с. 869].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов (Философская культурология второй половины XIX века). М.: Издат. Моск. унив., 1992. 198 с.
2. Калитин П.В. Метафизическая поэзия М.В. Ломоносова: новое прочтение // М.В. Ломоносов: Pro et Contra. Личность и творчество М. В. Ломоносова в оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / Отв. ред. Д.К. Бурлак. Сост., вступ. статья М.А. Маслина. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 857—869.
3. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.а. С. 89—378.

АВДЕЕВА Л.Р. М.В. ЛОМОНОСОВ. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

4. Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.б. С. 19–79.
5. Ломоносов М.В. О качествах стихотворца рассуждение // Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1950. С. 517–532.
6. Ломоносов М.В. О нынешнем состоянии словесных наук в России // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.в. С. 579–583.
7. Ломоносов М.В. Письмо Воронцову М.И., 19 января 1764 г. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.г. С. 569–580.
8. Ломоносов М.В. Письмо о пользе Стекла к Высокопревосходительному господину Генералу Порутчику, действительному Ея Императорскаго Величества Каммергеру, Московскаго Университета Куратору и орденов Белаго Орла, святого Александра и святых Анны Кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 508–522.
9. Ломоносов М.В. Письмо Теплому Г. Н., 30 января 1761 г. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.д. С. 547–554.
10. Ломоносов М.В. Письмо Шувалову И.И., 19 января 1761 г. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.е. С. 545–547.
11. Ломоносов М.В. Письмо Эйлеру Л., 27 мая 1749 г. / Пер. Я.М. Боровского // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.ж. С. 464–467.
12. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.
13. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.з. С. 389–578.
14. Оришин (Львов) А.Д. О значении «Риторики» Ломоносова // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. XVIII век. Сборник 7 / Ред. колл.: Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко, И.З. Серман. М.; Л.: Наука, 1966. С. 94–98.
15. Kahn A. "Readings of Imperial Rome from Lomonosov to Pushkin." *Slavic Review* 52.4 (1993): 745–768.
16. Johnson C.A. "Lomonosov's Dedication to His Russian grammar." *Slavic Review* 23.2 (1964): 328–332.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Авдеева, Л. Р. М.В. Ломоносов. Пространство языка [Электронный ресурс] / Л.Р. Авдеева // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — Вып. 1: Пространство и время текста — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.72.

MIKHAIL V. LOMONOSOV. THE SPACE OF LANGUAGE.

Liudmila R. Avdeeva, Ph.D., Senior Researcher, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University

E-mail: alzlot@yandex.ru

M.V. Lomonosov (1711–1765) was a prominent Russian scientist, thinker, one of the founders of the modern Russian language. Today, when at a new stage Russian history, Russian language there is experiencing various both internal and external influences there is a need to revise the assessments of outstanding philosophers of the past, to overcome the uniqueness and politicization that characterized the Soviet period. Revealing the true values, which are based on Lomonosov's philosophy, certainly could help in reconstruction of Russian culture.

The subject of my article is the complex questions Lomonosov reflected, essentially creating the modern Russian language. He insisted on the active nature of the language, its ability to influence the development and establishment of a national community; he developed the theory of the impact of language on the person, the audience, the reader; he wrote extensively on anthropological, historical, socio-cultural conditioning of language. Lomonosov suggested various means to enhance the impact of speech on the listener, effectively laying the foundations of modern psychology and philology.

АВДЕЕВА Л.Р. М.В. ЛОМОНОСОВ. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

For my research goals, I used method of reconstruction of the historical and philosophical views on language problems on methodological basis of principle of historicism. The other method I used in my study is critical and discourse analysis of Lomonosov's works and correspondence.

In formulating the conclusions of the study, I note Lomonosov, in comparing with its European contemporaries, in many respects anticipated the formulations of the psychology of perception of the text and the role of language in the organization of the national historical and social space. Considering language as a powerful mean of communication, Lomonosov defined its functions and role in the multi-dimensional (geographical, historical, cultural) space.

As a conclusion, I pitch the idea humanistic Lomonosov's creative heritage had an impact on the subsequent development of philosophy and culture of Russia. Anthropocentrism of Lomonosov's philosophy, which made the man and his problems the purpose and the reason of philosophizing, is the undoubted foundation of modern spirituality.

Keywords: Mikhail Lomonosov, language, rhetoric, word, 'Russian Grammar'.

References:

1. Avdeeva K.R. *Russian Thinkers: Apollon A. Grigor'ev, Nikolay Ya. Danilevsky, Nikolay N. Strakhov (Philosophical Cultural Studies in Second Half of 19th Century)*. Moscow: Moscow State University Publisher, 1992. 198 p. (In Russian).
2. Kalitin P.V. "Lomonosov's Metaphysical Poetry: New Reading." *M.V. Lomonosov: Pro et Contra. M.V. Lomonosov's Personality and Creativity in the Estimates of Russian Thinkers and Scholars*. Eds. D.K Burlak and M.A. Maslov. St.-Peterburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publisher, 2011, pp. 857–869. (In Russian).
3. Lomonosov M.V. "Letter to Grigory N. Teplov, 30 Jan. 1761." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 10, pp. 547–554. (In Russian).
4. Lomonosov M.V. "Letter to Mikhail I. Vorontsov, 19 Jan. 1764." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 10, pp. 569–580. (In Russian).
5. Lomonosov M.V. "Letter to Ivan I. Shuvalov." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 10, pp. 545–547. (In Russian).
6. Lomonosov M.V. "Letter to Leonard Euler, 27 May 1749." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 10, pp. 464–467. (In Russian).
7. Lomonosov M.V. "Russian Grammar." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 7, pp. 389–578. (In Russian).
8. Lomonosov M.V. "Preface about the Benefits of Church Books for Russian language." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 7, pp. 585–592. (In Russian).
9. Lomonosov M.V. "Brief Guidance in Eloquence." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 7, pp. 89–378. (In Russian). (In Russian).
10. Lomonosov M.V. "Brief Guidance toward Rhetoric." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 7, pp. 19–79. (In Russian). (In Russian).
11. Lomonosov M.V. "Essay on Qualities of Poet." *Selected Philosophical Works*. Moscow: Gospolitizdat Publisher, 1950, pp. 517–532. (In Russian).
12. Lomonosov M.V. "On Contemporary State of Literary Sciences in Russia." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 7, pp. 579–583. (In Russian). (In Russian).
13. Lomonosov M.V. "Letter about the Benefits of Glass." *Complete Writings*. Moscow: USSR Academy of Science Publisher, 1952, volume 8, pp. 5089–522. (In Russian). (In Russian).
14. Orishin (Lvov) A.D. "Significance of Lomonosov's 'Rhetoric'." *The Role and Importance of Eighteen-Century Literature in the History of Russian Culture. Towards the 70th Anniversary of Corresponding Member of USSR Academy of Sciences P.N. Berkov*. Eds. D.S. Likhachev, G.P. Makogonenko, I.Z. Surman. Moscow; Leningras: Nauka Publisher, 1966, issue 7, pp. 94–98. (In Russian).
15. Kahn A. "Readings of Imperial Rome from Lomonosov to Pushkin." *Slavic Review* 52.4 (1993): 745–768.
16. Johnson C.A. "Lomonosov's Dedication to His Russian grammar." *Slavic Review* 23.2 (1964): 328–332.

Cite MLA 7:

Avdeeva, L. R. "Mikhail V. Lomonosov. The Space of Language." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya: 'Prostranstvo i vremya teksta'* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space and Time of Text'] 10.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.72>. (In Russian).